

ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА КАЗАКОВ СЕМИРЕЧЬЯ

Е.Е. Озмитель

Приведен исторический очерк православной культуры семиреченского казачества, выясняются специфические черты отношения казаков к православной церкви, духовенству и нравственности.

Ключевые слова: семиреченское казачество; история православной культуры; русские в Туркестане.

Казаки, которые в большинстве своем были православными, появились в Семиречье первыми – раньше регулярных войск и переселенцев. В первой половине XIX в. началось перемещение с севера на юг линии степных казачьих укреп-

лений, в которых располагались гарнизоны из казаков и регулярной пехоты. Около казачьих пикетов селились купцы, крестьяне-переселенцы и другие “неслужилые люди”. Киргизский город Нарын появился в начале 70-х гг. XIX в. на

месте казачьего укрепления. В старейшем селе Чуйской долины Беловодском именно из казачьего поста сформировался один из первых православных приходов на территории Киргизии. В 1864 г. для защиты от набегов соседнего Кокандского ханства на пересечении Ташкентского тракта с рекой Ключевой расположился казачий пикет из 12 человек. Потом количество воинской команды было увеличено, а в 1867 г. сюда приехали первые российские переселенцы – 12 крестьянских семей из Воронежской губернии, и появилось село Беловодское [1:12].

В 60-е гг. XIX в. богослужение здесь совершалось в походной церкви, для которой, по некоторым данным, казаки построили часовню (м.б., св. равноапостольной Марии Магдалины. – *Е.О.*). В начале 70-х гг. жители села построили небольшой храм, который был освящен в честь Архангела Михаила [2]. Выбор в покровители прихода архистратига небесного воинства не случаен. Это связано с тем, что среди основателей села были казаки.

Так же, как и в Беловодском, по всему Семиречью с окончанием боевых действий военные казачьи укрепления, в которых устраивались первые походные церкви, превращались в поселки и города. А казаков, проходивших действительную воинскую службу, могли “перекинуть” в другой район Средней Азии или за ее пределы. Часть из них, уходя в запас, оставалась – так число жителей Туркестана пополнялось казаками не только сибирскими (движение казаков шло из Западной Сибири), но и, в меньшей степени, оренбургскими, донскими, кубанскими и терскими. Вышедшие в отставку казаки чаще всего занимались сельским хозяйством, но могли также, сдав участок в аренду, оказаться в городе, служить на низших должностях в государственных учреждениях, заниматься извозом и другой мелкой предпринимательской деятельностью.

В то же самое время, в 50–60-х гг. XIX в. в Семиречье появляются казачьи станицы сибирского войска – около 15 000 человек, и поселки сосланных с Урала казаков-раскольников – несколько тысяч семей. Присоединение к России среднеазиатских земель при участии оседавшего здесь сибирского казачества продолжалось до 1884 г.

Казаков из Сибири, а именно 9-й и 10-й полки Сибирского казачьего войска, стали расселять по Семиречью для поддержания порядка на присоединенных территориях, закладывая основы семиреченского казачества. Казаки наделялись большими – до 50-ти десятин на душу – наделами (крестьяне, для сравнения, получали по 15 дес. на мужскую душу, а то и 20–40 дес. на

двор). Обязательный надел получала станичная церковь, в которой служил, как правило, войсковой священник. Первые крупные православные приходы Семиречья возникли в казачьих станицах: Большеалмаатинской (1865), Лепсинской (1858), Софийской (1864), Ирджарской (1865), Коксуйской (1866), Надеждинской и Высокотобовинской (1867), Сарканской (1868). Казаки первых станиц получали самые большие наделы в Туркестане, они, как правило, прибывали сюда со своим войсковым священником – их церковная жизнь налаживалась быстро, хотя и не без конфликтов, о чем будет сказано ниже.

Вторая волна казачьего расселения в Семиречье (начало XX в.) коснулась территории Киргизии. Вопреки смыслу существования казачества, в XX в. они прибывали в Среднюю Азию не как завоеватели – расселялись не на пустом месте, сплошной линией станиц, а среди крестьянских сел и аулов. Кроме этого, вопрос с обеспечением семиреченских казаков положенной им по уставу землей оставался нерешенным. Охранительная функция казачества интерпретировалась теперь во внутривойсковом, полицейском смысле – не охрана рубежей, а охрана режима вменялась в обязанность свободолюбивому казачеству. Так менялся статус казаков. В изменившихся политических и экономических условиях культурная активность казаков падает. Однако и в новых станицах с течением времени появлялись церкви и школы.

В 1907 г. на берегу Тюпского залива в 28 км от уездного Каракола была создана первая на территории Киргизии казачья станица – Николаевская. “Первым делом, – пишет историк А. Ярков, – хотя насчитывалось в станице всего 20 дворов, казаки поставили вполне приличную деревянную церковь (в здании храма сейчас располагается сельсовет. – *Е.О.*), на которую, как принято, был выделен земельный участок” [3: 28]. Священника (своего) не было – жители станицы были приписаны к приходу села Преображенского. Казаки посещали также престольные праздники других окрестных храмов, как это было принято в Семиречье. В воспоминаниях старожилов о престольном празднике каракольского Свято-Троицкого собора упоминаются казаки Николаевской станицы [3: 29].

В другой казачьей станице, Самсоновской, основанной в начале XX в. на правом берегу р. Чу в местности Малый Кемин, некоторое время не было даже молитвенного дома. Жителей села окормляли разъездные священники, сначала – из Верного, а потом – из Пишпекской походной Свято-Никольской церкви. Один из них, о. Хари-

тон, иеромонах Свято-Троицкого Иссыккульского монастыря, в 1912 г. по дороге в Столыпино посетил Самсоновку и подробно описал свои впечатления в “Туркестанских епархиальных ведомостях”: “Я [...], встретившись с Пишпекским благочинным о. Сергием Удальцовым, получил от него предписание: проездом заехать в Самсоновскую казачью станицу, отслужить там седмицу [неделю. – Е.О.] и причастить станичных казаков. Надо сказать, о том же убедительно просили меня и Советник Войскового управления Есаул Николай Сергеевич Щербаков и Станичный атаман Иванов. [...] Ехал я от Верного до станицы в сильную весеннюю распутицу, да еще через перевал Кастек, где и в хорошую-то погоду люди набираются горя, пока пройдут его, а в бурную уж и говорить нечего. Несмотря на то, что извозчиками случились очень хорошие дунгане, все-таки же я ехал через Кастек четыре дня. Ночи три пришлось ночевать в горах, в киргизских юртах. При Божией помощи благополучно проехавши дорогу, я приехал в станицу Самсоновскую. Казаки меня не ожидали, и дома, в коем бы можно было служить, не приготовили. Молитвенного дома у них нет, поэтому казаки начали ходить и искать подходящий для богослужения дом; но, к сожалению, во всей станице не нашли подходящего дома, который был бы отделан как следует и достроен. Пришлось служить в новом, только что срубленном, доме, который не был еще оштукатурен; он был даже и без рам. Казаки некоторые окна занавесили половиками, а некоторые оставили для света; и в таком помещении пришлось совершать богослужение. [...] Трудность заключалась еще и в том, что со мною не было псаломщика, а среди казаков не оказалось чтецов и певцов, так что мне самому приходилось и петь, и читать. Сквозняк делал свое дело, и я с великим трудом мог отслужить и причастить казаков. Служил я у них три обедни и всех причастил. Казаки все остались довольны...” [4: 256].

Несколько лет понадобилось самсоновцам, чтобы обустроить свою жизнь, и вскоре станица стала большой и зажиточной. В центре поселка находился казачий плац, на котором молодые казаки занимались строевой подготовкой и джигитовкой. “В станице были: начальная школа и правление, почтово-телеграфная станция. Быстро вставшие на ноги станичники, подчас сдававшие свои наделы [...] в аренду, даже смогли создать Кредитное товарищество” [3: 29].

Церковь Покрова Божьей Матери появилась вскоре после визита о. Харитона, в 1913 г. В это время в Самсоновке было 904 человека

[4]. К 1915 г. уже был утвержден штат: священник (Шароватов) и псаломщик. Была церковно-приходская школа, 25 дес. пахотной, 15 негодной, 5 пустующей земли и 305 р. капитала [6: 7].

Как мы видим, семиречи, как называли семиреченских казаков, исполняли все необходимые для православных обряды, но, судя по многим замечаниям современников, в минимальном объеме. Один из благочинных Туркестанской епархии отмечал: “Казаки, поставляющие главной целью своей жизни войну, ленивы и к хозяйству, и к церкви. Неустойчивы и в области нравственной, чему способствует продолжительное пребывание их на участках вдали от храмов и священников” [7: 61]. В дореволюционных источниках несложно найти примеры равнодушного отношения казаков к хозяйству, к морали, к храму и даже к высшему духовенству. В станице Коксуйской, неподалеку от Луговой, при встрече правящего архиерея в 1907 г. не было такого воодушевления, как в других приходах. Как сообщалось в епархиальной прессе, «церковь в станице новенькая, но не оштукатуренная, и погост вокруг ее, обгороженный жердочками, не засажен деревьями. [...] Народ с атаманом во главе [...] встретил владыку у школы. Поднесли хлеб-соль [...]. Через полчаса начали звонить к всенощному бдению. Звонили довольно долго, но народ собирался как-то вяло. Приехал в храм владыка; началось всенощное бдение, а храм, небольшой по своим размерам, был наполовину пуст [...]. В конце утрени хор, под управлением местного псаломщика Якушева, запел “Благочестивейшего, Самодержавнейшего...”; народ зашевелился и начал выходить, пришлось выйти из алтаря и остановить [...] владыка обратился к молящимся со словами назидания и обличения и просил всех придти завтра в храм и привести с собою своих родственников и детей. Выйдя из храма, уже в темноте, еще остановился в церковной ограде и долго говорил с народом о вреде пьянства, призывая казаков быть верными и полезными слугами веры, Царя и Отечества. Народ молча слушал, наконец, начали благодарить владыку за назидание: тронулись, все-таки, видно, сердца их» [8: 350–351].

О случае в станице Коксуйской автор статьи сообщает с некоторым удивлением, очевидно, что такие станицы попадались на их пути нечасто. В Илийском выселке в том же году владыку Дмитрия встречали чрезвычайно торжественно (сами эти крайности являются характерной чертой казачьего характера). “За 3 версты перед выселком Илийским встретил владыку и. д. Илийского атамана с булавой на статном коне, с двумя верховыми казаками. При приближении архипастыря,

они спешили и, получив благословение владыки, поскакали, сопровождая карету. В 8 часов вечера епископ въехал в выселок Илийский и остановился у ворот церковной ограды. Путь от ворот до храма и дома священника был застлан коврами и войлоком. Русские собрались в большом количестве [...], а поодаль стояло много туземцев верховых и пеших. С колокольни раздавался звон. Убеленный сединами казак-семирек Дашков от лица всего общества поднес архипастырю хлеб-соль и приветствовал епископа речью” [9: 7].

Очевидно, что без особого усердия казаки относились не именно к Церкви, а ко всему, что не было связано с прямым казачьим делом: боевыми действиями, экспедициями, патрулированием границ, преследованием контрабандистов, набегами, строевой подготовкой, джигитовкой и т.п. Поэтому ни в коем случае нельзя делать выводы о секуляризации сознания семиреченских казаков, об их равнодушии к православию. Они просто не воцерковлялись, как должно, потому что им, по их характеру, была чужда размеренная, обстоятельная церковная дисциплина, как и вообще всякая дисциплина, кроме казачьей.

Чрезвычайно важными для казаков оказывались нечастые, но торжественные молебны в церкви при приведении молодых казаков-кадетов к присяге, пышно и одновременно трогательно совершалась также в церкви присяга войсковому знамени. Также трогательна была привязанность казаков к войсковому образу, который приобретался на общественные деньги и сопровождал казаков в походах. На казачьем кругу, как правило, присутствовал священник, и вообще при принятии важных решений, при начале боевых действий к духовенству обязательно обращались за благословением. Функции духовенства в казачьих станицах сводились, очевидно, к исполнению этого “казачьего минимума”. Если священник с этим соглашался и не требовал от своей паствы большего, то приходская жизнь “славного христоробивого воинства” текла мирно и спокойно. Конфликты, как правило, возникали с “чужими” священниками и чаще всего на финансовой почве.

От казаков Сарканской станицы пострадал миссионер о. Чернявский. По просьбе казаков, не имевших своей церкви и священника, он исполнял все их требы. “Но когда он решил оставить Саркан и православно-русские же казаки узнали, что ему выдан годовой оклад жалования, получения которого он с таким нетерпением ждал около года, тогда казаки самым наглым образом вынудили его заплатить сарканскому обществу за все время проживания своего в отведенной ему этим же обществом бесплатно квартире” [10: 67].

Приведенный выше случай не был единственным, о конфликтах казаков с “чужими” священниками и учителями пишет и А. Ярков, приводя в качестве примера случай, произошедший в семиреченской казачьей станице с учителем школы. “Более 10 лет из педагогического стажа А.С. Лобанова приходилось на дореволюционную службу в станичной школе. И все это время учитель подвергался публичной травле со стороны станичного атамана за то, что возразил на попытку продать школе по завышенной цене развалюху родственников атамана” [3: 31].

Специфическое отношение казаков к духовенству и Церкви не могло распространиться на других сельских жителей Туркестана. С 90-х гг. запись в Семиреченское войско была приостановлена, новых станиц создавалось мало, и количество казачьих поселков в процентном отношении к числу всех русских селений Туркестана постоянно уменьшалось. На территории нынешнего Кыргызстана, например, из 200 русских сельских населенных пунктов было всего 3 станицы и два казачьих выселка. Кроме того, в силу сословной разобщенности, казаки жили изолированно от крестьян, относясь к крестьянам свысока, старались не допускать смешанных браков и близких отношений. Учитывая все это, становится понятным, почему мы не обнаруживаем никакого влияния “казачьего православия” на крестьянский православный обиход.

Литература

1. Храм Архангела Михаила // Православный мир. – 2000. – № 5.
2. Отчеты о состоянии прихода храма Архангела Михаила села Беловодское за 2001–2007 гг. // Архив епархиального управления (Бишкек).
3. Ярков А. Казаки в Кыргызстане. – Бишкек, 2002.
4. Обзор Семиреченской области за 1913 г. – Прил. XVIII.
5. Туркестанские епархиальные ведомости. – 1912. – № 12.
6. РГИА. Ф.796. Оп.440. Д.800.
7. РГИА. Ф.796. Оп.442. Д.2767.
8. Туркестанские епархиальные ведомости. – 1907. – № 12–13.
9. Туркестанские епархиальные ведомости. – 1907. – № 4.
10. Остроумов Н.П. Китайские эмигранты в Семиреченской области и распространение среди них христианства // Оттиск из “Православного собеседника”. – 1879. – Т. I, II.